

Как будет развиваться экономика России?

Сценарии развития обсуждали известные ученые России и зарубежья на Санкт-Петербургском научном форуме «Наука и общество»

Этой осенью в Санкт-Петербурге прошел VII форум «Наука и общество» — седьмая Санкт-Петербургская встреча нобелевских лауреатов «Наука и прогресс человечества». Инициатива проведения форума принадлежит правительству Санкт-Петербурга, а также Санкт-Петербургскому научному центру РАН, Санкт-Петербургскому академическому университету и Алферовскому фонду. Традиция этих встреч берет начало в 2003 г., но в отличие от предыдущих, посвященных одному или двум научным направлениям (энергетика, ИТ, физиология и медицина, экономика и социология, нанотехнологии), тематика нынешней была диверсифицирована, организаторы привлекли ведущих специалистов из нескольких сфер науки и экономики. Это подчеркнул в своем приветствии министр образования и науки РФ Дмитрий Ливанов: «Сегодня в России определены приоритеты научно-технологического развития: новые медицинские технологии, науки о здоровье, информационные цифровые технологии и переход к цифровому производству, новые материалы и нанотехнологии, энергетика будущего. Важно, что все эти направления входят в повестку дня встречи

Открытие VII научного форума «Наука и общество», седьмой Петербургской встречи лауреатов Нобелевской премии

нобелевских лауреатов». На форуме выступили с докладами лауреаты Нобелевской премии, а также выдающиеся российские и иностранные ученые: Роберт Вилсон (Нобелевская премия по физике 1978 г., «за открытие микроволнового реликтового излучения»), Алан Хигер (Нобелевская премия по физике 2000 г., «за открытие и развитие области электропроводящих полимеров»), Карло Руббиа (Нобелевская премия по физике 1984 г., «за решающий вклад в большой проект, который привел к открытию квартов поля W- и Z-частиц — переносчиков слабого взаимодействия»), Эдмунд Фелпс (премия памяти Нобеля по экономике 2006 г., «за анализ межвременного обмена в макроэкономической политике»), Роберт Кан (лауреат Премии Тьюринга 2004 г., самой престижной награды в области высоких технологий), Жорес Алферов (Нобелевская премия по физике 2000 г., «за разработку полупроводниковых гетероструктур и создание быстрых опто- и микроэлектронных компонентов»), академики РАН Евгений Велихов, Игорь Горьнин, Владимир Окрепилов, Владимир Бетелин и др.

В рамках форума работала секция «Экономика XXI века: новые вызовы и перспективы». С докладами на секции выступили **В. В. Ивантер**, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН («Концепция конструктивной политики роста российской экономики в долгосрочной перспективе»); **Эдмунд С. Фелпс**, профессор Колумбийского университета, Колумбийский центр по изучению капитализма и общества, Нью-Йорк, («Корпоративизм и удовлетворение от работы»); **В. Л. Квинт**, профессор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН («Фактор качества в зарождении и развитии глобального формирующегося рынка»); **И. А. Максимцев**, доктор экономических наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета («Евразийская экономическая интеграция: развитие нового эффективного макрорегиона на постсоветском пространстве»). В работе секции принимал участие академик **Ж. И. Алферов**.

Предлагаем читателям нашего журнала выступления участников секции «Экономика XXI века: новые вызовы и перспективы».

В. В. Ивантер:

— Институт народнохозяйственного прогнозирования занимается экономическими прогнозами. Экономические прогнозы, как мы считаем, это оценка последствий тех или иных действий или бездействия власти, общества, потребителей. Этим мы и занимаемся. Естественно, еще есть заказ общества на конструктивный сценарий. Что такое конструктивный сценарий? Некоторый набор действий, который дает результат, устраивающий общество. И здесь мы имеем преимущество перед всеми, так как сами конструируем этот результат и подстраиваемся под него. Мы не предполагаем ничего неожиданного. Считаем, что в ближайшие 15–20 лет у России есть возможность выйти на средневропейский уровень жизни, и не видим ресурсных ограничений для достижения такого результата. Как можно этого достичь?

Но прежде, чем рассказать об этом, хочу начать с довольно актуального сегодня вопроса — продолжается ли кризис? Большая часть аналитиков и представителей власти заняты поисками путей, как нам защититься от кризиса. То есть, заняты не тем, как нам самим не учудить кризис, а как защититься. И в этом смысле совершенно запугали и население, и бизнес ожидаемыми последствиями. Собственно говоря, у нас есть опыт 2008 г., из которого можно понять, что такое кризис в России. Основные рассуждения сводились и сводятся к тому, что в 2008 г. упали цены на нефть и отсюда все неприятности. Действительно, несколько дней цены были очень высокие, порядка 150 долларов за баррель, и в конце декабря упали до 39,5 долларов за баррель. Но дело в том, что в России издержки по добыче нефти вместе с транспортными расходами в среднем составляют 15 долларов за баррель, а у такой компании как Роснефть — 12 долларов. И вот упали цены и что: нефтянка встала, прекратилась добыча и отгрузка, наступила безработица в нефтянке? Ничего этого не произошло. А встали такие отрасли, как металлургия, целлюлозная, строительная. Встали экспортно ориентированные отрасли, кроме углеводорода. Связано это было с тем, что внутренний спрос был недостаточный. И когда мы доказывали, что в действительности по металлу внутренний спрос может заменить внешний спрос, власть очень сопротивлялась, уверяла, что нет. Наш опыт показывает, что там, где мы можем заменить внешний спрос внутренним, кроме углеводородов, нужно заменять — это все дает результат.

Далее, высказываются мнения, что в стране неправильная структура внешней торговли: не то продаем. Продаем нефть и газ, а надо товары с высокой добавленной стоимостью. Допустим, мы так сделали, и наш экспорт был не нефтегазовый, а машиностроительный. Вы хорошо себе представляете кризис 2009 г. — у нас стояло бы полстраны. Нужно понимать, что у нас отличная структура внешней торговли, поскольку надо продавать то, что имеет устойчивый спрос. Спрос на энергоресурсы слабоэластичен по отношению к объемам. Что бы ни случилось, человеку нужен свет, тепло, транспорт и т. д. И их потребление не зависит от объемов производства. Когда у нас в 1990-е гг. было колоссальное падение объемов промышленного производства, западные аналитики мне доказывали,

Пленарное заседание «Экономика XXI века: новые вызовы и перспективы». Ведет заседание академик РАН, директор ФБУ «Тест-С.-Петербург» В. В. Окреплов

что мы ошибаемся по подсчетам, так как потребление энергии у нас было очень низким. Это понятно, поскольку от того, есть ли загрузка в цехах 80% или 10%, затраты электроэнергии практически остаются неизменными.

Но что нам нужно? Диверсификация экономики, а не экспорта. Проблема заключается в том, что мы едим и пьем нефть. А наш сырьевой экспорт — это правильный экспорт. Мы начали обезьянничать, утверждая, что самое главное вложение — вкладывать в энергосбережение. В России нет дефицита энергии, есть дефицит труда. Главное направление — трудосберегающие технологии. Мы действительно относимся безобразно к использованию энергии, но энергии тратим мало.

Вывод: нужна новая политика. Та политика, которая проводилась, имела массу недостатков. Берем за точку отсчета 1999 г. По паритету покупательной способности — на душу населения по соотношению Россия — США Россия имела 18%, к 2007 г. — 44%. Это означает, что жизнь стала другая. Значит, нужна другая экономическая политика. А что мы делаем? Мы проводим старую политику — защищаемся. Строим финансовую линию Мажино. Мы имели к 2008 г. мощнейший финансовый резерв — 600 млрд долларов. Потратили по самым большим подсчетам 200 млрд долларов, а 400 млрд сохранили. Зачем? Мне возражают: ужас, цены на нефть упали. А что у нас, экономика, получала эти доходы? Мы вообще никогда больше 27 долларов за баррель в экономику не вкладывали. Если цены на нефть падают, это не наши проблемы, это проблемы США. Мы свою экономику оставляем без денег. А если мы в свою экономику денег не вкладываем — результата не будет. Когда я говорю «деньги в экономику» — это не разбрасывание кредитов.

Какой недостаток в нашей антикризисной политике? Деньги выдавались банкам, банки отправили их известно куда. Нужно было бы открывать кредитные линии под инвестиции и поддержку реального сектора. И это было бы нормально. Сама технология должна быть другой. Мы пытаемся с небольшой суммой поднять большую страну. У нас нет сегодня финансовых ограничений для экономического роста. Это уникальная ситуация. Мы принципиально отличаемся от того, что происходит в Европе. У нас уровень сбережений

существенно выше, чем уровень насыщения. Вопрос заключается в том, как их использовать? Если у нас неограниченные денежные ресурсы, почему мы развиваемся так? Первое обстоятельство: мы вопреки всем катастрофистам в 2006–2007 гг. развивались темпом порядка 8% и это нормальный темп. Более того, если мы будем удерживать темп 4%, то не удержим тот уровень жизни, который есть. Почему? У нас есть реальные долги, не финансовые, а физические долги. Мы ремонтировали дома, дороги, прокладывали трубопроводы? Нет, а все это требует затрат порядка 2% ВВП ежегодно. Также мы должны вкладывать около 7% в то, чтобы нас не затопило, мы не сгорели и так далее. А тут женщины рожать начали, появились дополнительные люди, которых нужно содержать. Таким образом, мы не сможем удержать тот уровень жизни, который есть. А хочется жить лучше. Поэтому 7–8% ВВП — это реальная ситуация.

Наш конструктивный прогноз: система должна работать ближайшие 15 лет с темпом от 6%, а затем 4–4,5 по средневропейскому уровню. У нас есть колоссальные преимущества перед Европой — значительные неудовлетворенные потребности. Это, прежде всего потребности в жилье. Но здесь основной барьер — инновационный. Надо развиваться инновационно. Но инноваций без инвестиций не бывает, и в стоячую экономику инвестиции никто вкладывать не будет. Мы попали в такую ситуацию: если развиваемся быстро, тогда есть стимул к инвестициям. А когда есть стимул к инвестициям, есть шанс на инновации. Короче говоря, государственный спрос должен опережать частный. Он должен все основное тащить. В чем государственный спрос — вкладывать в инфраструктуру. И, кажется, деньги есть, желание есть, а где инновации? Ситуация такова: первое, мы перестали развивать инновации; второе, разучились заниматься инновациями. Но еще есть шанс, чтобы это исправить.

Я скажу так, у нас академическая наука спаслась исключительно из-за упрямства ученых. Но отраслевая наука разрушена. Никто не говорит, что ее нужно восстановить в прежнем виде. Но без нее нет трансляций результатов академических исследований в реальную экономику. Это мост. Нужно восстанавливать и проектные, и проектно-изыскательские, и отраслевые структуры. Возможно, они будут называться по-другому, например, инжиниринговые центры. И такой опыт уже есть: Боинг создал инжиниринговые центры в Москве. Создаются подобные центры в Петербурге. Что является барьером? Низкая заработная плата. И нужно перестать экономить на зарплатах. С чего начинать? Был такой выдающийся предприниматель Генри Форд-I, который писал, что основное условие высокой производительности труда — это высокая заработанная плата. Говорят, что в России дешевая рабочая сила — это не так. Дешевая рабочая сила та, что за малые деньги интенсивно и эффективно работает. Где это вы такое у нас видели? Нет и не будет. Что значит высокая заработанная плата? Это значит, что нужно иметь качественную организацию производства как у Форда. Это высокое требование к предпринимательскому классу. Если мы это осуществим, то учитывая, что в России нет существенного ограничения по

ресурсам, мы сможем получить по нашим оценкам темпы роста, на которые рассчитываем в ближайшие 15 лет, — 7–8%.

Ж. И. Алферов:

— В начале 1980-х гг. президент Рональд Рейган выдвинул идею звездных войн. Расчет был на то, чтобы втянуть нашу страну в увеличение расходов на вооружение и подорвать нашу экономику. Научное сообщество и Соединенных Штатов, и Советского Союза, Академия наук и Федерация американских ученых дружно выступили против. Было организовано несколько встреч и в США, и у нас в Москве. Нужно сказать, что с приходом Рейгана отношения между нашими странами резко ухудшились. Были предприняты шаги на подрыв нашей экономики. И нам, ученым, часто правительство устраивало барьеры, чтобы помешать провести совместные семинары, симпозиумы, проекты. Но наука интернациональна и мы успешно преодолевали эти барьеры. В 1986 г. через Монреаль мы полетели к американским ученым на симпозиум по обсуждению звездных войн. Я выступал на симпозиуме и сказал: «Научное сотрудничество всегда было двигателем развития науки. У нас в Физико-техническом институте имени Иоффе были совместные проекты, американские, британские, французские ученые работали в Ленинграде по много месяцев. Я в 1990-х гг. получил книгу от внучки одного из британских физиков, которая называлась «Как весело жить в Ленинграде» о совместной работе 1920–1930-х гг.

Затем стали создавать атомную бомбу — это инновационный проект. Повышение секретности, разрыв научных связей. И в конце 1960-х гг. — снова возобновление научных проектов, организация конференций, симпозиумов. А звездные войны — это опять разрыв, нужно ли нам это? Ведь наука по своей сути интернациональна». Американская сторона полностью поддерживала эти тезисы. А на ланче бывший министр обороны в период Карибского кризиса Роберт Макнамара сказал мне: «Вы все правильно говорили. Но во время Карибского кризиса 1962 г. соотношение ядерных боеголовок между США и СССР было 17 к 1 в пользу США. В США было в семнадцать раз больше ядерных боеголовок. Но мы имели паритет, потому

Академик РАН, председатель Санкт-Петербургского научного центра РАН Ж. И. Алферов

что вашей одной семнадцатой части было достаточно, чтобы и от США, и от любой другой страны ничего не осталось. Вы сделали совершенно неправильный вывод, чтобы иметь численное преимущество над нами. К 1986 г. СССР имел 40000 боеголовок, США — 35000. Вы выиграли это соревнование, но подорвали свою экономику, потому что нужно было развивать новые технологии, новые виды оружия, и поднимать тем самым в целом свою экономику. Вот это правильное вложение денег».

И я думаю, что разумность политики по развитию оборонно-промышленного комплекса в стране, прежде всего, должна быть связана именно с этим. Так уж в мировой истории сложилось, что люди не умеют жить в мире, и военные технологии развивали все другие технологии и этим нужно заниматься.

Нужно развивать науку. Одна из крупнейших ошибок первого гайдаровского правительства состояла в том, что оно посчитало избыточным количество ученых в стране. Причем, выводы делались на основе нашей статистики, куда входили данные о численности инженерного корпуса отраслевых институтов, без которого нельзя развивать науку в стране. И вместе вышло около 2,5 миллиона человек.

Сегодня экономическая ситуация непростая. Выход один, я скажу лозунгом: «Новые технологии для новой экономики России». А это требует больших вложений в науку. К сожалению, происходят у нас серьезные ошибки. Я приведу один пример, к которому имею прямое отношение. Микроэлектроника, полупроводниковая электроника — это база всех современных информационных технологий. Без кремневых чипов, полупроводниковых лазеров, быстродействующих транзисторов точно не на чем было делать компьютерные программы. Это направление есть и будет. Оно требует образования, мозгов, квалификации, нового оборудования. В общем, не трудоемкая область, но это двигатель.

Одна из катастроф современного развития науки и промышленности — это разделение СССР на пятнадцать независимых государств. Я сейчас могу отвлечься от политических проблем, социальных и других, могу сказать — экономика СССР была мощной, какие бы мы не проводили реформы. Разделив страну на недружественно настроенные друг к другу государства, особенно в начале распада СССР, мы устроили экономическую катастрофу. Нужно из этой катастрофы выходить, искать варианты новых технологий. Развитие микроэлектроники — один из выходов. Советский Союз был третьей электронной промышленностью мира после США и Японии. Электронная промышленность была во всех республиках, осталась в России на уровне 20–25%, в Белоруссии в таком же объеме, но с очень низкими инвестициями. Нужно это развивать.

В начале 2000-х гг. немецкая компания «Зандер» обратилась ко мне с предложением построить фабрику производства микрочипов с геометрическим размером микрочипа 90 нанометров. В 2002-м г. 90 нанометров был последний крик. Компания получила разрешение даже у Госдепа США продавать нам современное оборудование. Когда я спросил у президента фирмы «Зандер»: «Почему вы выбрали Петербург?» он отве-

тил: «Когда мы решаем проблемы научного бизнеса и выбираем место, где создавать новую компанию, пункт № 1 — это кадры. В Петербурге: Политехнический институт, ЛЭТИ, ЛИТМО, ФИЗТЕХ — здесь все попадет в надежные руки. Мы готовы от нашего инфинеона, где все руководство выпускники кафедры микроэлектроники ЛЭТИ (это же была ГДР) работать вместе». Сумма контракта составила 1,5 миллиарда евро. Кроме того, немецкие партнеры взяли на себя возможность вывода на мировой рынок этой самой современной продукции. Я потратил год с лишним, чтобы убедить людей на высоких постах в необходимости этого проекта, но проект рухнул. И до сих пор я об этом глубоко сожалею. Потому, что был бы построен в 2005 г. завод по производству микрочипов размером 90 нанометров, как презент для меня, наши партнеры хотели построить небольшую фабрику гетероструктур.

Потом, через пять лет, «Микрон» в Зеленограде купил производство микрочипов 90 нанометров со старым оборудованием, в то время когда Интел уже выпускает 22 нанометра и 32 нанометра — это массовое производство, а 90 — вчерашний день. И когда я говорю, что новые технологии для новой экономики России, это означает, что научная, научно-техническая и информационная политика страны должна определяться очень мощными консультациями с учеными.

Эдмунд С. Фелпс (выступление публикуется в сокращенном варианте):

— Современная экономика принесла с собою новый вид экономического удовлетворения, связанного не с материальным вознаграждением от участия в экономической деятельности, а являющегося нематериальным аспектом участия в экономической жизни в целом. Новые блага — это неизвестное до сих пор удовлетворение от работы, когда участие в экономической деятельности предполагает преодоление препятствий, воодушевление от непосредственного восприятия идей, и возможность для широких кругов приобщиться к передовым практикам, которую превращенная в огромную лабораторию экономик может теперь предоставить. Нематериальные поощрения были редки до появления новой экономики; после ее появления они стали, если не повсеместно распространены, то, по крайней мере, все более заметны: масштабные исследования показывают, что люди заинтересованы скорее в таком вознаграждении, чем в материальных стимулах, преваляровавших ранее.

Если мы предпочитаем этот вид вознаграждения, то возникает вопрос: какая экономическая система предоставляет его наиболее полно? С этой точки зрения рассматриваются корпоративистская, социалистическая и современная капиталистическая модели и их особенности. Какой вид экономической культуры, включающей в себя превалярующие настроения, нормы и оценку деловой активности, влияет на удовлетворение от работы и на выбор предпочтительной экономической модели, особенно когда все больше признается тот факт, что культура имеет очень большое влияние на подобные вопросы.

Данные, доказывающие несоответствие уровня удовлетворения от работы и опыта работы в развитых

странах, были обнаружены совсем недавно. Сведения World Values Surveys, собранные в 1991–1993 гг., позволили заново измерить национальные нормы удовлетворенности и отношения к работе. Такие исследования являются необходимым условием для корректной оценки уровня удовлетворенности жизнью, в противовес некоторым мнениям. После внимательного изучения этих данных становится очевидно, что удовлетворение от работы зависит в основном от нематериальных поощрений, т. е. именно от тех стимулов, которые и становятся одним из аспектов новой экономики.

Можно проследить институциональные различия, которые отвечают за разные показатели удовлетворенности от работы в различных относительно молодых экономических моделях. Было выдвинуто большое количество противоречащих друг другу гипотез, чтобы объяснить разницу в показателях, но все они в конце концов оказались несостоятельны.

Многочисленными была предпринята попытка выявить связь между экономическим динамизмом (и тем, насколько каждый вид рассматриваемого экономического управления способен на него повлиять) и удовлетворением от работы. В современной жизни политика невмешательства больше не может обеспечить достижения высоких экономических показателей, сейчас необходима высокая активность, которая может стимулироваться определенными институциональными мерами. Например, она может обеспечиваться институтами, защищающими права собственности, финансовыми институтами, которые содействуют получению доступа к капиталу и публичным фондовым биржам, организациями, которые устраняют экономические барьеры и бюрократические проволочки, корпоративным правом и экономической политикой, способствующей внедрению инноваций. Равно как некоторые институты могут стимулировать активность и соответственно повышать удовлетворенность от работы, другие могут препятствовать активности и снижать удовлетворенность от работы. Согласно полученным данным, институты, поддерживающие корпоративизм (и делающие упор на обеспечении безопасности) негативно влияют на уровень удовлетворенности от работы.

Хотя экономическая политика и институты являются важными составляющими экономики, она ни в коем случае не сводится только к ним. Экономическая культура, набор социальных норм, взглядов и отношения к работе — это также очень важный (и недавно измеренный) показатель, имеющий свое влияние на удовлетворенность от работы. После рассмотрения роли институтов мы сосредоточились на данных о культуре, чтобы понять, могут ли различия между странами в распространенности тех или иных культурных ценностей или приверженности им влиять на изменения уровня удовлетворенности от работы. Это те ценности, которые влияют на желание человека генерировать новые идеи и воплощать их в новых товарах, то есть поддерживать или разрушать коммерческие перспективы инноваций, таким образом, можно сказать, что они прямо или косвенно влияют на удовлетворение от работы. Статистическая обработка

данных, полученных World Values Surveys, показывает, что некоторые ценности значительно сильнее в относительно современных капиталистических моделях, а другие преобладают в корпоративистской экономике.

Вместе с развитием современной экономики появляется и новое мировоззрение. Культурная история раскрывается перед новой этикой, следуя новому настойчивому стремлению к самовыражению через фантазию и творчество, и перед новыми моральными принципами, где у каждого человека есть право на самовыражение, не ограниченное традиционными религиозными или общественными рамками. Препятствия на пути возникновения новой этики и нравственности — это, в самом широком смысле, традиционные и консервативные ценности, к которым часто обращаются сторонники корпоративизма.

На основе данных WVS можно вывести Индекс традиционализма и Индекс модернизма, группируя и усредняя значимость соответствующих ценностей в каждом случае. Мы увидим в этих индексах, что традиционализм, очевидно, препятствует высокому уровню удовлетворенности от работы; соответственно, модернизм стимулирует удовлетворенность от работы. Такие сравнения должны занять ключевое место в изучении «хорошей» экономики, особенно если этой экономике предстоит стать той моделью, которая сможет в самой полной мере дать нематериальное вознаграждение участникам экономической деятельности.

В. Л. Квинт:

— Несколько лет назад мы — выдающийся ученый, академик РАН В. В. Окрепилов и я — начали творческое сотрудничество в сфере сочетания наших научных интересов. Мы искали пути влияния категорий качества, не только товаров и услуг, но качества жизни в целом на крупные социально-экономические и политические процессы. Анализ таких процессов всегда начинается с понятия категорий «хорошей жизни» и «хорошей экономики», с содержательного аспекта этих двух понятийных категорий и анализа их взаимодействия. Надо сказать, что сегодня в Нобелевских встречах участвует Нобелевский лауреат по экономике профессор Фелпс, а у него есть работа о соотношении хорошей жизни и хорошей экономики, которая опубликована в 2007 г. Господин Фелпс анализирует труды Аристотеля с точки зрения практики применения идей. Надо сказать, что анализ философии Аристотеля позволяет определить эту категорию, но недостаточен для того, чтобы сделать анализ динамики и динамических характеристик влияния качества на крупные социально-экономические процессы. Вот поиск глубинных основ привел нас к философии экзистенциализма и ее определяющей категории — свободы выбора. Ни одно демократическое общество не может непрерывно обеспечивать высокие демократические ценности в соединении с высокой экономической динамикой и продолжающимся ростом производства при ограничении экономической свободы. Вот этот постулат выведен по сути дела из работ Сартра. Но Сартр не уделял внимание экономической стороне, а рассуждал о ценности человеческой жизни. И любое ограничение

*Профессор Московской школы экономики МГУ
им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН В. Л. Квинт*

свободы выбора вело к уничтожению мотиваций. И вот тут возникает категоричная характеристика того, что произошло в мире на рубеже XX–XXI веков. Мы проанализировали только часть из глубинных 150 трендов, пытаюсь найти те из них, которые в большей степени повлияли на могучие социально-экономические преобразования на рубеже веков. Почему в это время стали рушатся диктаторские режимы, военной, коммунистической диктатуры? Почему в этот момент они не выдержали серьезной экономической конкуренции? Или как они преобразовывались изнутри, что произошло, например, во Вьетнаме и Китае? Это результат, прежде всего, развития информационных технологий, которые ликвидировали непрозрачность границ. Диктатуры не могли больше прятать от народа информацию о другой жизни. Началась глобализация процессов, у мира появились новые категории как в сфере социально-экономической, так и в сфере сознания.

Экономисты часто страдают экономическим детерминизмом. Так вот здесь важно понимать, что эти процессы привели к новой философской категории — глобального сознания. И под воздействием объективных социально-экономических трендов появился новый экономический феномен, к сожалению, мало описанный в российской экономической литературе — *global market place* — глобальное экономическое пространство и как часть его — *global production place*, *global economic place*, где страны производят совместно продукцию, а на пространстве экономики они осуществляют маркетинг и ее совместно распределяют. С ликвидацией границ, с интеграцией экономики резко возросли технологические взаимосвязи на региональном уровне. Здесь также начались интересные процессы, когда регионы разных стран начали взаимодействовать более интенсивно друг с другом, чем с регионами своей страны. Возникли процессы дезинтеграционного характера на региональном уровне.

Не все глобальные тенденции позитивны. Например, ликвидация преград для информации, более свободное перемещение капитала, трудовых и материальных ресурсов привели к усилению терроризма и сделали это негативное явление глобальным трендом. Появилась единая глобальная экономическая площадка для бизнеса, и это привело к тому, что

негативные процессы в одной стране немедленно как заразная болезнь стали переходить к другой. Ускорились циклы экономических кризисов. Это началось не в 2008 г., а гораздо раньше — в 1997, когда возник азиатский кризис. В экономической литературе он был назван неправильно, так как начался в Таиланде и Малайзии, но затем его волны прошли по евразийскому пространству, в том числе, обрушили рубль и национальные валюты Бразилии и Аргентины. Но в то время правительства стран не были готовы вмешаться в экономические процессы, поскольку существовала идея романтического капитализма, и суть ее в том, что рынок все решит. Этого не произошло. Но к кризису 2008 г. мир подготовился уже лучше.

Когда анализируются политические процессы, экономисты и стратеги всегда имеют дело с рисками, а в глубине этих рисков, инфраструктуры, технологических систем всегда возникает проблема качества. Чем слабее качественная составляющая этих систем, тем сильнее они подвержены негативным последствиям кризисов.

Тем не менее, мир на рубеже веков изменился кардинально. Из развивающихся стран вследствие интеграционных процессов в начале 1980-х гг. появилась новая категория — страны с формирующимися рынками. Динамика их развития такова, что они стали позитивно влиять в целом на экономическое развитие мира. И произошла четырехкратная акселерация развития мирового рынка за короткий срок. Если бы не страны с формирующимися рынками, мировая экономика была бы сегодня в минусе, а не в плюсе. Да и в кризис, за исключением падения российской экономики в 2009 г. на 7,9 %, ведущие страны с формирующимися рынками обеспечили высокий экономический рост. Мир динамичен. Мир идет в экономику знаний — новое определяющее направление развития. Здесь впереди Скандинавия, Нидерланды, Южная Корея, вся экономика которой ориентирована на экономику знаний, а когда-то эта страна была сельскохозяйственным придатком Северной Кореи. Россия здесь не лидер, впрочем, как и Южная Европа.

Тем не менее, страны с формирующимися рынками стали, с одной стороны, надежными партнерами развитых стран, а с другой, — мощными конкурентами, притягательными для технических инвестиций и огромных средств. В то же время тяжелые изменения наметились в Китае, где технологии симметричны западным и повторяют их в отличие от других стран с формирующимися рынками, и прежде всего от Сингапура, Южной Кореи, которые стремятся идти революционными технологическими путями, т. е. создают стратегические технологические конкурентные преимущества.

Если посмотреть на классификацию стран, которая предлагается в нашей работе, то можно сказать, что долгосрочная экономическая стратегия развития в значительной степени предопределяется уровнем качества жизни. Мы ставили задачу — определить, почему качество продукции в диктатурах, как правило, ниже, чем в демократических странах. Это связано со следующим. Например, в СССР была неплохая,

хотя излишне детальная, система планирования, был строгий контроль качества, а вот мотивация развита слабо. И чем меньше развита мотивация, тем менее качественная продукция и услуги производятся в стране. Отсюда возникает отсутствие свободы выбора, о которой писал Сартр. Когда у человека нет свободы выбора, он приобретает все, что есть на полках, как мы с вами приобретаем. И любая подержанная иностранная машина ценилась выше советской. Проблема урезанной мотивации, когда нельзя было поднимать заработную плату хорошему работнику больше, чем на 30% по сравнению с плохим, убивала инициативу высокого качества производства. А низкокачественное производство вело к производству низкого качества продукции и услуги, к высокому загрязнению окружающей среды и т. д., в целом, к низкому качеству жизни. Отсутствие выбора и низкое качество жизни связано напрямую.

Есть несколько путей классификации стран по качеству. В частности, мы ввели индикаторы, отражающие существующий уровень экономической зрелости страны. Что сегодня представляет мир формирующегося глобального рынка? По нашим оценкам, это примерно около 80 стран, около 50% занимаемой территории, около 70% населения мира, который производит национальный продукт в 2,5 раза больше чем США, или в 2,3 раза больше чем все европейское сообщество. Этот мир, которого не было в начале 1980-х гг., притягивает к себе более 40% прямых иностранных инвестиций. И прежде всего, технологических, которые ведут к повышению качества производства, а за этим следует повышение качества продукции и услуг, следовательно, качества жизни. Эта конвергенция сегодня продолжается.

Начался новый процесс, когда страны с развивающимися рынками сегодня активно действуют на территории развитых стран. В приобретении активов действующих предприятий в США сейчас лидируют Индия, Россия, Южная Корея, Бразилия, Израиль, ОАЭ, Китай. Если бы в США не действовала комиссия по прямым иностранным инвестициям, которая принимает политические решения по разрешению приобретения тех или иных стратегических активов, например, портовых хозяйств, приграничных объектов и т. д., то роль Китая и ОАЭ была бы значительно больше. Индекс глобальной конкуренции наглядно показывает, как он учитывает категории качества, как качество продукции, так и качество жизни. По этому индексу Россия отстает от США в 10 раз, от Китая — в 3 раза. Структура этого индекса такова, что в каждом его отдельном индикаторе зримо или незримо присутствует определяющая роль качества. Динамика темповых показателей также контрастирует с уровнем развитых стран, где уровень экономического развития, человеческого капитала гораздо выше вследствие более высокого качества жизни. В нашей работе мы скорректировали этот индекс для того, чтобы он в большей степени учитывал категории качества, дополнив индикаторами, в основном ориентированными на оценку качества жизни, а не качества производства, но которые как раз детерминируются качеством производства и услуг. Индикаторы повлияли на индекс ожидаемой

продолжительности жизни, например, сократили продолжительность жизни в Индии на 31%, в России — на 11%. Это говорит о том, что экономики стран недостаточно ориентированы на качество жизни. В США, Европе ориентация экономик на качество жизни гораздо выше, чем в странах с формирующимися рынками. То есть страны с формирующимися рынками не поставили во главу угла своего национального оптимума жизнь отдельного индивидуума, все еще идет речь об общих глобальных экономических индикаторах. Вот как дополнительные индикаторы повлияли на индекс образования в разных странах: в Индии они привели показатель снижения уровня образования на 41%; в России — на 11%; в США на 3,2%; в Германии — на 2,8%; в Британии, — на 2,1%. Англия в значительной степени определяет свой экспорт экспортом услуг на образование.

Рейтинг стран по индексу экологической чистоты показал, что самое большое снижение по нашим индикаторам имеют страны Южной Африки, Индия, Китай, немного лучше в России. Лидируют Франция, Италия, Германия, Япония. Рейтинг стран по индексу социально-экономического благосостояния показал, что здесь страны с формирующимися рынками все еще не перешли на ориентацию на качественные характеристики.

Мы думали над стратегией развития, ориентированной на повышение качества жизни, как отдельного индивидуума, так и населения в целом. И вот такая концепция воздействия на эти процессы предлагается в нашем докладе.

В мире с 2000 гг. начинают понимать роль стандартов качества. И, прежде всего, роль стандартов в управлении качеством. Начались процессы по внедрению стандартов качества именно в странах с формирующимися рынками, растет число стран, которые внедряют наибольшее количество предложений по совершенствованию системы стандартов управления качеством, а следовательно, растет число предприятий, которые начинают внедрять у себя стандарты управления качеством. По сертификации качества лидирует Италия, но начался процесс в Китае и России. В России началось внедрение в 2005 г., в основном благодаря деятельности академика В. В. Окрепилова. Эта работа продолжается. Должна быть создана национальная стратегия управления качеством, которая будет ориентирована не только на повышение качества товаров и услуг и производства этих товаров, но, прежде всего, на повышение качества жизни.

Итак, заключительные выводы.

Первое, чем больше страна ориентирована на экспорт природных ресурсов и продукции тяжелой промышленности, тем больше она теряет во время кризиса.

Второе, чем больше страна ориентирована на экспорт высоких технологий или программных продуктов, тем легче она переносит последствия кризисов, в том числе последнего кризиса.

Третье, пример Южной Кореи и Израиля показывает, что чем больше страна вкладывает в науку, тем меньше у нее уровень безработицы и выше уровень занятости.

Четвертое, страны с формирующимися рынками в период кризиса привлекали к себе инвестиции из развитых стран в силу более высокого возврата на вложенный капитал в более короткие сроки.

И. А. Максимцев:

— Мир вступил в очередную колоссальную социально-политическую и экономическую трансформацию. Весь пафос и усилия, иногда чрезмерные, инициаторов создания мирового глобального сообщества с новой экономикой, политикой и новым демократическим устройством общества оправдывались идеей возможности скорейшего прогрессивного преобразования человеческой жизни. При этом вольно или невольно упускалось то, что человечество может не только произвольно изменяться в разных направлениях, но на протяжении длительного времени оставляет неизменными целый ряд составляющих духовной и материальной жизни. Это обстоятельство позволяет говорить о неизменности исторических процессов или иными словами о цивилизационных константах, которыми нельзя пренебречь, если мы хотим построить более привлекательное будущее. История последних десятилетий была связана с проявлением не только жестких, но и жестоких столкновений в различных точках земного шара. Происходили эти столкновения именно потому, что в человеческом сообществе более крепких оснований присутствовали и иные мотивы.

Огромную роль в эскалации этнических конфликтов, которые мы наблюдаем в мире, в том числе и на территории России, играет использование различными политическими силами национальной идеи завоевания власти и перераспределение собственности. Поэтому, несмотря на имеющуюся стратегию разрешения конфликтных ситуаций, в ближайшем будущем видимо будет наблюдаться рост этнических конфликтов.

В таких условиях мирное взаимодействие различных этнокультур стало насущной необходимостью. Построить мир, в котором был бы слышан голос каждого этноса — вот основная задача цивилизационного подхода к выработке государственной политики, в том числе и в РФ.

Степень рассогласованности моделей достойного сосуществования в современном мире, переживающем кризис упрощенных экономинимизированных подходов, также высока, как и в первые годы разрушения системы политического противостояния.

Условно говоря, с 1917 г. до конца восьмидесятых годов, существовала биполярная блоковая структура, что и определяло модель международного поведения. Советский Союз и США — два блока, которые доминировали в мире. Затем, почти одновременно, большинство участников международных отношений были вынуждены начать ориентировать собственные модели развития в соответствии с более жесткими законами мирового рыночного хозяйств. Биполярная система распалась, появились новые игроки. Меняется мировой порядок. Возрастает конкуренция и в этой структуре нам приходится жить. Нам кажется, что именно цивилизованно-обоснованные проекты несут в себе наибольший потенциал диалогового существования структур, более справедливого мирового правопоряд-

ка, и Россия выступает за это, потому что нам хочется жить и развиваться в стабильной, мирной атмосфере. Нам представляется, что фундаментом сегодняшнего близкого к хаосу миропорядка лежит в сфере парадоксальной взаимозависимости и взаимовлияния двух внешне противоположных матриц, удерживающих мир XX столетия, в этом биполярном равновесии. Это был баланс на грани конфликта, благодаря которому тем не менее двум конкурирующим системам удавалось уходить от фатальных столкновений. Позитивным результатом этого умелого регулирования сосуществования двух систем были несколько десятилетий мира и выдающийся по своим результатам научно-технический и социально-политический прогресс.

Мир не может постоянно удерживаться в состоянии напряженного баланса, чреватого конфликтами, миру необходима определенность и предсказуемость. Распад биполярной системы двух противоположных блоков уже не существует, распад биполярной системы связан с крахом одного из них — Советского Союза, привел к неустойчивому положению идеологической матрицы, утративший источники оппонирования и смысла. Мы сегодня живем уже по-другому и та идеология коммунизма, которая превалировала на советском пространстве, она уже не доминирует как раньше, мы видим совершенно разные точки зрения и это отражается не всегда счастливо и плодотворно на нашей современной жизни. Сегодня особенно важно понимание народов в гуманитарной и общественной сферах. Мы присутствуем при завершении эпохи стихийной глобализации. Итогом этой эпохи становится убеждение, что существование универсальных форм гуманистических ценностей как бы поставлено сегодня под вопрос. Идет ли речь о понятии демократия, или о каких-то других идеологических тенденциях, но здесь формируются режимы очень похожие на североамериканские. Мы видим, что на севере Африки, на Ближнем Востоке происходят очень сложные явления. Попытка построить по североамериканскому образцу жизнь в этих странах со своим общественным укладом, своей историей приводит к вооруженным конфликтам, за которыми сегодня приходится наблюдать.

Но эти разночтения, на мой взгляд, не означают, что мир вступает в эпоху ценностного летивизма. Мы должны принять, что реалии поменялись, мы живем в другом времени, и вынуждены переосмыслить мир. Катализатором такого переосмысления стали два явления: глобальный экономический кризис, конца которому мы пока не можем предсказать; и второе, это ускоренное развитие средств передачи информации. Эти явления связаны между собой. Именно скорость передачи данных, развитие электронных фондовых площадок ускорило передачу информации о финансовом кризисе в мире и заражение им большинства национальных экономик, о чем сегодня говорили мои коллеги.

Период самоанализа, переосмысления — естественная реакция для любого государства. И мы с вами пытаемся понять, почему сегодня это произошло. Для нас, экономистов, возникает очень много вопросов. Мы должны учитывать количество участников глобальной экономики, вовлекать в анализ все больше неэконо-

мических факторов, таких как локальные военные конфликты, межэтнические конфликты, учитывать новые риски, которые появляются в мире. Это в полной мере относится и к такой важной задаче, как стратегия укрепления экономики России в результате развития и интеграции на евразийском пространстве. Евразийская интеграция уже прошла значительный путь от евразийского экономического сообщества, созданного 12 лет назад, к формированию таможенного союза. В таможенный союз входит Россия, Белоруссия, Казахстан, он заработал в полную силу с июля 2011 г. Единое экономическое пространство, обозначающее беспрепятственное движение между тремя нашими странами факторов производства, инвестиций, рабочих кадров, информации, действует с 2012 г. и идет постепенное движение к формированию евразийского союза. Таким образом, евразийская идея, зародившаяся сначала как историко-философская, а затем как геополитическая концепция, сегодня получает адекватное экономическое наполнение и достаточно стимулов для реализации на всем пространстве СНГ. В настоящее время существуют предпосылки для макрорегионального подхода к евразийской интеграции, имея в виду новое качество макрорегиона как целостной интеграционной системы, открытой для участия других стран.

Объективные глобальные тенденции не столько развитых, сколько развивающихся экономик формировать региональные интеграционные блоки, прежде всего, торговые, например, Китая, африканских, латиноамериканских стран, подтверждают сегодня стратегическую целесообразность и формирование евразийского экономического союза как нового эффективного региона на постсоветском пространстве. Анализ современной Евразии подтверждает, что рациональная интеграция должна иметь сильную объединительную основу, общую почву. И этой общей почвой является концепция современного евразийства. Евразийская идея зародилась в 20-х гг. прошлого века в среде просвещенной русской интеллигенции. Именно горечь изгнания, тоска по России, желание увидеть ее возрожденной и сильной не только экономически, но и духовно — вот такие мотивы смогли создать мощную, но отчасти романтическую, идею.

Каково же современное прочтение евразийской идеи? Это гуманистический прагматизм. Смысл ее в том, что на территории огромного континента Евразии сложилась особая цивилизация, соединяющая в себе черты Запада и Востока, но существенно отличающаяся как от западной, так и восточной культуры. Один из авторов концепции Николай Сергеевич Трубецкой, лингвист, философ, культуролог, считал, что сама природа указывает объединить национальные культуры в работе друг с другом. За время своего развития евразийская идея переживала и моменты раскола, конфликтов, популизма, и возродилась уже на современном этапе как неоевразизм. Но современное развитие мира, изменение его геополитической конфигурации ставит перед нами вопрос: что такое евразийская идея сейчас? Умозрительная, скорее эмоциональная, чем рациональная концепция, миф, который сложно воплотить? Или реальная возможность объединить потенциалы государств — экономические, геополитические,

социальные, культурные — и таким образом двигаться вперед. Евразийское пространство благодаря своему местонахождению зачастую воспринимается как мост между Европой и Азией. В сентябре прошел во Владивостоке форум АТЭС, он высветил острую необходимость решения задачи формирования новых глобальных логистических цепочек, и в этом смысле роль Евразии важна, как определяющая, как мост между Европой и Тихоокеанским регионом.

Понятно, что европейское самосознание будет приходить к гражданам региона постепенно. На наш взгляд, современное прочтение евразийской идеи должно совмещать гуманитарные ценности, руководствуясь подходом «знать, чтобы понимать», изучением культурного наследия друг друга, того, что составляет сердце любой нации. И кроме прагматической выстроена экономическая система интеграции, о которой сейчас много говорят. А именно совместные инфраструктурные структуры, производства, инновационные блоки. Все это возможно на основе сформированного ядра единого экономического пространства России — Белоруссии — Казахстана. Евразийское пространство многообразно. Сегодня из важнейших конкурентных преимуществ геополитического, и что важнее, геоэкономического пространства, это многообразие — культур, исторически сложившихся традиций, религий, укладов, деловых практик. На первый взгляд, эта идея парадоксальна. Оценивая эффективность интеграции, мы всегда говорим о степени унификации, гармонизации, условий, норм, правил, однородности пространства. Однако в современном мире многообразии евразийского пространства созвучно многообразие растущей экономики. Такое основополагающее евразийское учение как полицентризм с точки зрения сохранения кодов наций, входящих в евразийское пространство, очень важен особенно в условиях глобализации. В этом контексте евразийская идея обладает таким мощным потенциалом, благодаря той синергии, которая может возникнуть от единого, но многообразного евразийского пространства.

Как влияют современные вызовы на интеграционную евразийскую стратегию? Мира изменяется, изменяется глобальная экономика, как связующая часть этого мира, скорость этих изменений постоянно растет в результате развития технологий и роста скорости передачи информации. Пожалуй, на сегодняшний день рост скорости изменений — это самый серьезный вызов, требующий от нас быстрых и эффективных решений по реализации избранной стратегии движения к евразийскому союзу.

Второй вызов — это растущая неопределенность глобального мира. Сегодня по различным оценкам происходит приближение мировой экономической системы к точке дефуркации, то есть точки смены типов решений, когда может происходить смена пространственных, временных объектов. Об этом писал Лев Пригожин, лауреат Нобелевской премии по химии 1977 г. Таким образом, сегодня становится все труднее прогнозировать развитие мировой политики, экономики, определять тренды мирового развития.

Нобелевская премия в 2011 г. была вручена за эмпирические исследования причинно-следственных

связей в макроэкономике, а именно между экономической политикой и такими макроэкономическими примерами как уровень занятости, размерами инвестиций, что сегодня определяет принятие долгосрочных экономических решений. При этом закономерности, считавшиеся долгое время незыблемыми, уходят в прошлое. На наш взгляд, сегодня важно определить те условия, при которых евразийский регион станет эффективной пространственной экономической системой, способной противостоять внешним вызовам и рискам.

Нам необходимо, во-первых, выработать объективный баланс развития институциональной среды для четкого следования определенной дорожной карте евразийской интеграции. Создать новые экономические механизмы, которые соответствуют критериям эффективности формирования единого евразийского макрорегиона. Определенные уроки нам дает накопленный мировой опыт интеграции, в том числе, те проблемы, которые сейчас происходят в еврозоне. Мы видим тот шок, который испытывают граждане еврозоны от нестабильности экономики, эти уроки мы с вами должны извлечь. Процесс постепенного присоединения стран – участниц евразийской интеграции к ВТО ставит единую для всех задачу по выработке интеграционной системы взаимодействия в рамках евразийского региона. И конечно очень

важный вопрос образования и науки в евразийском регионе. Подавляющее число граждан в этом регионе говорит на русском языке, огромный плюс для общения, важный связующий фактор. И здесь нужно более активно думать о создании сети университетов, которые бы наполняли содержанием евразийский процесс. Выполнение данных условий во многом будет эффективно, если мы будем уделять этому внимание и считать это нашей основной задачей.

Хочу обратиться к словам Льва Николаевича Гумилева, чей 100-летний юбилей мы недавно отметили и теория этногенеза которого имеет прямое отношение к идее евразийства. В самом конце жизни в 1992 г., в самый тяжелый для России период, он говорил: «Если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство». Таким образом, в контексте укрупнения экономических субъектов в мире и одновременно снижения эффективности многих интеграционных объединений можно говорить об эффективном евразийском макрорегионе в том случае, если в его основе лежит сильная гуманистическая концепция евразийства.

Подготовила Татьяна ЗЕРНОВА

Фото: Михаил ШИРОЧКИН

Санкт-Петербургский Центр бизнес-контактов
St.-Petersburg Business Contact Centre
Pietarin yrityskontatikeskus
ООО «Бизкон»

Руководителям предприятий – участников
Санкт-Петербургского Центра бизнес-контактов «Бизкон»;
Руководителям других заинтересованных предприятий

Уважаемый Руководитель!

Приглашаем Вас и Ваших специалистов, принять участие в российско-финском информационно-консультационном семинаре «Новые технологии в строительстве. Международный опыт и возможности сотрудничества», приуроченном к Международной выставке «Жилищное строительство».

Одновременно в рамках делового визита в Финляндию запланирован семинар и встречи в Университете прикладных наук Тампере по использованию нанотехнологий в машиностроении и строительстве.

Мероприятие организуется совместно с Комитетом по внешним связям СПб, с Балтийским институтом г. Тампере и Университетом прикладных наук г. Тампере и пройдет 7–9 февраля 2013 г. в Тампере, Финляндия.

Регистрационный взнос (подготовка и согласование программы, подготовка презентаций, сопровождение, услуги переводчика, транспорт Санкт-Петербург – Тампере – Санкт-Петербург, бронирование отеля, организационные вопросы, содействие в получении шенгенских виз) – 8000 (восемь тысяч) рублей (НДС не облагается) при участии одного представителя организации.

Оплата проживания, консульского сбора и страховки производится участниками самостоятельно (включается в командировочные расходы). Стоимость проживания в гостинице сообщим дополнительно после бронирования номеров в отеле (ориентировочная стоимость ~ 120 евро – двухместный номер, ~ 90 евро – одноместный номер).

Для своевременного оформления виз, согласования программы и бронирования мест в гостинице просим незамедлительно подтвердить согласие на участие. Тел./факс 274 66 73, e-mail: bizkon@wnet.ru.

С уважением,
Главный представитель в Санкт-Петербурге
Санкт-Петербургского Центра бизнес-контактов «Бизкон» (Финляндия – Эстония),
Генеральный директор ООО «Бизкон»
А. А. Варшавский